DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.048
УДК 821.161.1-14 Ахматова +
+ 821.161.1-3 Ахматова + 82.091

Н. А. Рогачева
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

СИБИРЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОПТИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ
(контекст стихотворения «Немного географии»)

В статье рассматривается структура сибирского текста в поэзии и прозе Анны Ахматовой, преимущественно сложившегося в ее творчестве 1930–1940-х гг. Цель исследования — установление повторяющихся, системных признаков авторского пространства Сибири с учетом методологических принципов рассмотрения «психофизиологических» пространств, сформулированных в ряде работ В. Н. Топорова. Сибирский локус Ахматовой диалогически и полемически соотнесен с лирикой О. Мандельштама, прозой Л. Н. Толстого, поэзией ссыльных декабристов. В нем нет привычных для русской литературы «общих мест», ландшафтных деталей, место которых занимают имена собственные (топонимы, наименования лиц). Основным объектом историко-культурного комментария является стихотворение «Немного географии» («Не столицею европейской»), написанное одновременно с поэмой «Реквием» в 1937 г. В статье выявлены контекстные связи стихотворения с другими произведениями Ахматовой (поэма «Русский Трианон», «Поэма без героя» и др.), с лирикой А. И. Одоевского, с романами Л. Н. Толстого «Воскресение», «Война и мир» и др. Установлена структура перцептивного пространства в стихотворениях Ахматовой о Сибири, которая основана на подавлении зрительного восприятия и повторении ольфакторных признаков. Отказ от внешнего изображения Сибирской земли, акцент на интертекстуальном характере сенсорных мотивов позволяют предположить, что в художественной оптике Ахматовой Сибирь представлена как точка зрения на мир, как исток катастрофического сознания лирического субъекта и мотивировка пророческих форм лирического высказывания с их принципиальной незавершенностью и фрагментарностью композиции.

Ключевые слова: Анна Ахматова; «Немного географии»; художественная оптика; сибирский текст; сибирские топонимы; интертекстуальность; психофизиологическое пространство; Л. Н. Толстой; А. И. Одоевский.

Цитирование: *Рогачева Н. А.* Сибирь в художественной оптике Анны Ахматовой (контекст стихотворения «Немного географии»). DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.048 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 75–84.

Поступила в редакцию 21.05.2019
Принята к печати 21.06.2019

© Рогачева Н. А., 2019

BY-NC

Natalia A. Rogacheva
Tyumen State University
Tyumen, Russia

SIBERIA IN THE ARTISTIC VISION OF ANNA AKHMATOVA (the Context of *A Little Geography*)

This article examines the structure of Siberian text in Anna Akhmatova's poetry and prose; this type of text took shape in her works in the 1930s–1940s. The purpose of this study is to establish recurrent systematic attributes of the author's image of Siberian space relying on the methodological principles of scrutiny of "psychophysiological spaces" put forward by V. N. Toporov in some of his research. Akhmatova's Siberian locus establishes a dialogue and debate with Osip Mandelstam's poetry, Leo Tolstoy's prose, and exiled Decembrists' poetry. It does not have the usual "commonplaces" of Russian literature or landscape details; in their place, there are proper names (toponyms and people's names). The primary object of this historical and cultural commentary is the poem *A Little Geography* (*Not like a European Capital*), written in 1937, at the same time as *Requiem*. This research demonstrates the poem's context connections with other poems by Akhmatova (*The Russian Trianon*, *Poem without a Hero*, etc.), with Alexander Odoevsky's poetry, Leo Tolstoy's novels *Resurrection* and *War and Peace*, etc. In Akhmatova's poetry about Siberia, the author of the article observes the structure of perceptive space which restrains the visual perception and builds on the repetition of olfactory references. The absence of a formal description of the Siberian territory and emphasis on the intertextual character of sensory motifs makes it possible to suggest that in Akhmatova's artistic vision, Siberia is a vantage point, a source of the poet's calamitous perception and a reason for prophetic phrasing represented in the incompleteness and fragmentariness of the composition of the poem.

K e y w o r d s: Anna Akhmatova; *Some Geography*; artistic vision; Siberian text; Siberian toponyms; intertextuality; psychophysiological space; Leo Tolstoy; Alexander Odoevsky.

C i t a t i o n: Rogacheva, N. A. (2019). Sibir' v khudozhestvennoi optike Anny Akhmatovoi (kontekst stikhotvoreniia "Nemnogo geografii") [Siberia in the Artistic Vision of Anna Akhmatova (the Context of *A Little Geography*)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 21*, 3 (190), 75–84. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.048

Submitted on 21 May, 2019
Accepted on 21 June, 2019

В творчестве Анны Ахматовой найдется немало географических и литературных фактов, связанных с Сибирью. Ахматова переводила письма А. Н. Радищева из Тобольска [Серман], возвращалась к теме казненных и сосланных декабристов в штудиях о Пушкине, в ее поэзии упоминаются сибирские географические реалии, наконец, сибирская каторга стала сквозным мотивом значительного числа ее произведений. Структура авторского, сугубо ахматовского, пространства Сибири

формируется, подобно другим локальным образам, в диалоге со сложившейся литературной топикой, внешне базируется на комплексе мотивов, исторически закрепленных за Сибирью в русской культуре. В свою очередь сибирский локус обладает у Ахматовой постоянными признаками, позволяющими осторожно проецировать художественное видение места на психологию его создателя. В. Н. Топоров говорит о двух путях, которыми может идти исследователь художественного пространства. Первый, «обычный», представляет собой набор операций по установлению отличий авторского хронотопа от сложившейся в культуре «усредненно-нейтральной» нормы репрезентации того или иного топоса. Второй — неочевидный — направлен на выявление пространственных образов и мотивов, которые «навязчиво» повторяются в творчестве писателя и обусловлены «психо-ментальными особенностями автора, сохраняющими еще связи со сферой биологического» [Топоров, с. 447, 448].

Обратим внимание, что топоним Сибирь единожды встречается у Ахматовой в словосочетании «Сибирская Земля» [Ахматова, т. 1, с. 344], упоминается лишь в качестве признака ландшафтной детали («*И парк безлюден, как сибирский лес*» [Записные книжки, с. 177] — строка, не вошедшая в поэму «Русский Трианон») или метеорологической приметы: «*сибирская вьюга*». Тем не менее, за такими эпитетами узнается отнюдь не природное, а историческое содержание. Вой *сибирской вьюги* вместе с лирической героиней слышат ее *невольные подруги* по тюремной очереди («Реквием»). «*Безлюдье*» царскосельского парка относится к общей теме «одичания» культуры в поздних стихотворениях Ахматовой о Царском Селе (ср.: «*Одичалые розы пурпурным шиповником стали*» [Ахматова, т. 1, с. 283]), внутренне связанной с образом Сибири:

Семь тысяч и три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод.

Там дичаешь, звереешь — ты милый! —
Ты последний и первый — ты наш.
Над моей ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна...

[Там же, с. 258]

При этом в лирике Ахматовой присутствует множество наименований сибирских географических реалий, выбор которых строго детерминирован. Сибирь как каторга — одно из *loci communes* русской культуры — входит в ее поэзию в тридцатые годы, что обусловлено известными трагическими обстоятельствами биографии поэта и истории России. В «Реквиеме» и примыкающих к поэме стихотворениях мотивы сибирской каторги связывают современность с пушкинской эпохой [см.: Ерохина, с. 198–199]. Л. К. Чуковская вспоминает о закодированном разговоре («Пушкин ни при чем, это шифр»), сопровождавшем чтение стихотворения «Не столицею европейской...»: «Объяснила мне

как пушкинистка, кого он имел в виду, когда писал о Европе». Комментируя эпизод, автор замечает: «Объяснила, что ее стихотворение посвящено Осипу Мандельштаму» [Чуковская, т. 1, с. 74, 75]. В «Листках из дневника» Ахматова сообщает, что «последний стих» Мандельштам принял (справедливо) «на свой счет» [Ахматова, т. 2, с. 166]. В результате события 1938 г. (арест, этап через Сибирь и смерть в пересыльном лагере Владивостока) выглядят как сбывшееся пророчество. К Мандельштаму отсылает и заглавие стихотворения «Немного географии», восстановленное по записным книжкам А. Ахматовой (Л. К. Чуковская отмечает, что в 1937 г. заглавия не было).

М. М. Кралин вслед за Л. К. Чуковской считает, что название подсказано книгой П. Н. Лукницкого «Путешествие по Памиру» [Ахматова, т. 1, с. 417]. Возможно, оно перекликается и со стихами из «Канцоны» О. Мандельштама, которая в рукописи имела заголовок «География»: «*Я покину край гипербореев,* / *Чтобы зреньем напитать судьбы развязку...*» [Мандельштам, т. 1, с. 176]. А. Д. Михайлов и П. М. Нерлер ссылаются на мнение Н. Я. Мандельштам о том, что «главной “смысловой проблемой”» этого текста является «вожделенное путешествие» в Средиземноморье, которое «осуществляется усилием зрения» [Там же, с. 513–514]. Реальный путь поэта из «края гипербореев» оказался стократ страшнее — на восток, на север, в Сибирь.

В «Немного географии» Т. В. Цивьян отметила топонимическую точность, указав, что «обилие топонимов, кодирующих одну реалию», «контрастирует с обилием местоименных указателей, каждый из которых однозначен» [Цивьян, с. 172]. «Реалия», т. е. собственно Сибирь, представленная в перечне географических названий, разворачивается в сюжет каторжного пути, мыслимого как фактический и символический:

Не столицею европейской
С первым призом за красоту –
Душной ссылкою енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Акбасар,
Пересадкою в лагерь Свободный,
С трупным запахом грязных нар, —
Показался мне город этот
Тою полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными — и тобой.

[цит. по: Чуковская, т. 1, с. 74–75]

Помимо мандельштамовского слоя, многократно отмеченного исследователями [см.: Цивьян, с. 172], в стихотворении пересекаются мотивы иных невольных «путешествий», память о которых инкорпорирована в географические названия. В Чите находился знаменитый Читинский острог — место первоначальной каторги большинства декабристов. Не предназначенный для такого числа

«государственных преступников», он запомнился исключительной «теснотой». И вновь отметим скрещивание декабристской темы с поэзией О. Мандельштама: героем стихотворения «Декабрист» (1917) является ссыльнокаторжный (см. трактовку стихотворения [Гаспаров, с. 223]). Именно в Читинском остроге А. Г. Муравьева, жена Никиты Муравьева, передала декабристам послание А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...», которое, как известно, Ахматова цитирует в «Реквиеме». Здесь А. И. Одоевским был написан стихотворный ответ на послание. Реминисценция из стихотворения Одоевского «Бал» попала в «Поэму без героя» (см. комментарий М. М. Кралина [Ахматова, т. 1, с. 431]).

Называя Ишим — город в Тобольской губернии — вслед за Читой, автор следует по пути Одоевского, который отбывал ссылку в Ишиме в 1836–1837 гг. К слову сказать, город — место ссылки, а не каторги, не входил в систему ГУЛАГа. Логично предположить, что Акбасар (Атбасар) — город в Целиноградской (Акмолинской) области — также имеет отношение к судьбе Одоевского. Одним из постоянных адресатов его лирических посланий является Адольф Михайлович Янушкевич, сосланный в Сибирь после польского восстания 1830–1831 гг., весть о котором вызвала у Одоевского воспоминание о казненных декабристах:

Пять жертв встают пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...

[Одоевский, с. 143]

Позднее Янушкевич служил в Пограничном управлении сибирских киргизов, много путешествовал по северным районам Казахстана, в 1840-х гг. записывал казахский фольклор. Уже в системе советского ГУЛАГа Атбасар стал крупнейшим пересыльным пунктом, известным необычайной скученностью. Завершает азиатско-сибирскую «географию» лагерь Свободный — целый город в Хабаровском крае, поглощенный системой ГУЛАГа.

В топографической системе стихотворения Ахматовой доминирует метаморфоза. Сибирский ландшафт — всего лишь иллюзия Петербурга, *показавшегося* лирической героине пересыльной тюрьмой. О деформациях ахматовской «географии» позволяет судить эпитет «*безводный*», отнесенный к Иргизу — реке в Северном Казахстане. Заметим, что именно реки (Иртыш, Енисей, Лена и др.) составляют базовую сигнатуру сибирского ландшафта в русской поэзии, начиная с М. В. Ломоносова. В мире Ахматовой, напротив, акцентирована «материковость» пространства: так, Енисей называется в сочетании с «равниной»: «*Вот и доспорился, яростный спорщик, / До енисейских равнин...*» [Ахматова, т. 1, с. 258]. Такое заземление Сибири строго мотивировано художественной оптикой — земля предназначена для похоронной процессии, сама ее почва замешана на прахе тех, кто стал «*лагерной пылью*»:

И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли

[Ахматова, т. 1, с. 344]

«Осибиренный» Петербург — один из ахматовских парадоксов, высвечивающих феноменологический характер ее поэтической образности. Это та точка пространства, где сходятся исторические эпохи: девятнадцатый век встречается с началом и серединой двадцатого. Сибирь неявно присутствует уже в Петербурге Серебряного века, каким его видит Ахматова «*из года сорокового*». В стихотворениях 1930–1940-х гг. и в прозе о «Поэме без героя» упоминаются Григорий Распутин и Анна Вырубова, причем в контаминации с деталями из пушкинского времени. Вырубова, дважды побывавшая на родине Распутина, в селе Покровском Тобольской губернии [Вырубова, с. 104, 185–187], по сходству имен ассоциируется с Анной Керн и с условным «автором» поэмы «Русский Трианон»: «*Попала в вавилонские блудницы, / А тезка мне и лучший друг царицы*» [Ахматова, т. 1, с. 177].

В «Записных книжках» Ахматова отметила неточность «онегинской» интонации своей поэмы [Записные книжки, с. 177], усилив тему навязанного двойничества автора и персонажа. «*А́нглийский акцент*», с которым говорят дамы, одетые в «сарафанчики», может быть отнесен как к историческим реалиям или маскарадной атмосфере начала XX в., так и к самой Ахматовой — внимательному читателю не только Шекспира, но и Джойса [Чуковская, т. 1, с. 20, 211, 347].

Не менее разительно попадание Распутина в череду двойников автора-повествователя и персонажей «Поэмы без героя» [см.: Тименчик, т. 1, с. 222, 363; т. 2, с. 323]. Распутин — одна из «масок», не вошедших в окончательный текст: «Хиромант или Распутин и все вокруг нее. [Во фраке хромает]. Показывает всем их будущее...» [Записные книжки, с. 85]. В набросках либретто балета по «Поэме без героя» вновь возникает гротескный образ Распутина: «И не поручусь, что там в углу не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина» [Ахматова, т. 1, с. 365]. Распутинская «борода» не остается простой приметой внешности «сибирского старца» — она вызывает в памяти иную «бороду», Хомякова из «Стихов о русской поэзии» О. Мандельштама.

На фоне устойчивых определений Сибири как «бескрайнего» пространства, поражающего наблюдателя своей огромностью, сибирский локус Ахматовой характеризуется демонстративно противоположными признаками — узостью, теснотой, отсутствием какой бы то ни было перспективы. Более того, в «Немного географии» сужение пространства выполняет сюжетообразующую функцию. Происходит метаморфоза «голубой полночи», лишенной пространственных границ, в замкнутый образ «солдатских нар». «Духота» и грязь становятся затем постоянными признаками Петербурга: «*Самый черный и душный самый / Это город Пиковой Дамы*» [Записные книжки, с. 26].

Столь же отчетливо в стихотворении «Немного географии» изменяется структура перцептивного пространства — от зрительного восприятия к обонятельному. По точному наблюдению Р. Д. Тименчика, вхождение в эпоху через запахи — постоянный признак художественной оптики Ахматовой [Тименчик, т. 1, 126]. Мысленное и шокирующее схождение перспективы в точку обонятельных впечатлений связано со знаменитыми ольфакторными образами Л. Н. Толстого. На один из них иронически обратила внимание сама Ахматова: «*Война, разводы, длинные романы — / “Новь”, “Воскресенье”, “Рудин” и “Нана”*» («Из погибшей поэмы») [Ахматова, т. 2, с. 90]. В повествовании толстовского романа, где многократно указывается на «безобразие» каторжного быта, запахи отмечены особенно, они вызывают у Нехлюдова отвращение к жизни, экзистенциальную «тошноту»:

> Послышался переливчатый звук цепей, и пахнуло знакомым тяжелым запахом испражнений и дегтя.
>
> Оба эти впечатления — гул голосов с звоном цепей и этот ужасный запах — всегда сливались для Нехлюдова в одно мучительное чувство какой-то нравственной тошноты, переходящей в тошноту физическую. И оба впечатления смешивались и усиливали одно другое [Толстой, т. 13, с. 396].

Этическая оценка, где смешиваются чувства отвращения и вины, так или иначе присутствует в сибирской теме ахматовской лирики. В особенности — вины за положение «зрителя», на которое обречен всякий поэт. Именно этим чувством, возможно, и продиктовано то подавление слуха (*сибирская тишина*) и зрения, которое мы наблюдаем в «Немного географии» и в более поздних, зачастую незавершенных стихотворениях:

Как слепоглухонемая,
Которой остались на свете
Лишь запахи, я вдыхаю
Сырость, прелость, ненастье
И мимолетный дымок...

[Ахматова, т. 2, с. 73]

Не менее вероятным представляется другой толстовский подтекст ольфакторного образа Сибири в поэзии Ахматовой. Речь идет об описании первой встречи Пьера Безухова с Платоном Каратаевым в романе «Война и мир». Сильный запах пота, «отделявшийся» от Каратаева при каждом его движении, Толстой показывает как первый шаг, выводящий Пьера из состояния интеллектуального бессилия при виде казни. Повторяющиеся определения «бессмысленности» происходящего («*не понимал*», «*не понимал значения*» и др.) сменяются перечнем ощущений, восходящих от обоняния («*заметил сначала по крепкому запаху пота*» [Толстой, т. 7, с. 50]) к зрению, которые и возвращают герою способность говорить и думать. Причем возвращение совершается через общую речь, чужие слова — пословицы, которыми разговаривает Платон.

В мире Ахматовой тема Сибири сопровождается мотивами сумасшествия: «*Какой сумасшедший Суриков / Мой последний напишет путь?*» [Ахматова, т. 1, с. 256]; «*И мне в сумасшедшей палате / Валяться — великая честь*» [Там же, с. 258]. Трактовки этой темы в позднем творчестве (начиная с «Реквиема») по справедливости неоднозначны. По словам Г. М. Темненко, «душевное состояние» лирической героини «близко к умопомрачению». Но «для того, чтобы рассказать о потерявшем рассудок мире, надо было сохранить остроту взгляда и глубину мысли» [Темненко, с. 266, 267]. В монографии М. В. Серовой со ссылкой на проницательное замечание И. Бродского отмечена связь темы с этикой поэтического творчества: только «сумасшедший» художник вправе говорить о бесноватом мире [Серова, с. 139]. Существенно, что «бесноватость» Ахматова относит не только к Петербургу («*Достоевский и бесноватый*»), но и к «Поэме без героя» («*И, бесовскою черной жаждой / Одержима, не знала, как / Мне разделаться с бесноватой...*» [Ахматова, т. 1, с. 351], перенося признак активного действия с творца на его творение.

При насыщенности топонимами сибирский локус в стихотворениях Ахматовой не топографичен, не развернут в поэтический ландшафт, в нем нет «пейзажей», обязательных для русской поэзии о Сибири, с их «бурными» реками, горами и тайгой. И вновь можно отметить «дальнодействие» толстовской поэтики в лирических текстах Ахматовой — говоря о пути Катюши Масловой в Сибирь, повествователь не упоминает пейзажных деталей, но подробно описывает «безобразные» сцены арестантского быта. Тем не менее, Ахматова остается «антитолстовцем»: ни в какое «воскресение» и «счастье» человека, прошедшего каторжный путь, она не верит. Вновь ее союзником (теперь уже в отталкивании от Толстого) оказывается Осип Мандельштам: «Осип <...> сказал, что для романа нужна по крайней мере каторга Достоевского или десятины Льва Толстого» [Ахматова, т. 2, с. 163]. В «Северных элегиях» Ахматова не случайно назвала Достоевского с помощью перифразы: «*омский каторжанин*», не только указав на место его сибирской каторги, но и подчеркнув ее неизжитость в сознании автора. Как видно, тема Сибири становится проблемой художественного письма, переходит в область вопросов о том, какой должна стать литература после эпохи массового террора.

Сибирь оказалась даже не близко — она интериоризирована сознанием автора. В стихах Ахматовой сибирское пространство подано как удаленное, и его даль имеет вполне реальное измерение. В Эпилоге «Поэмы без героя» есть характерное замечание: «*Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит...*» [Ахматова, т. 1, с. 341]. Определенно речь идет о расстоянии до Ташкента. «*Окончено в Ташкенте 18 августа 1942*», — пишет Ахматова. На первый взгляд, Сибирь ни при чем. Но та же метрология применена для указания на место ссылки сына Ахматовой Льва Николаевича Гумилева: «*семь тысяч и три километра*». С одной стороны, невозможно не заметить символического сходства расстояний и их полярности — север и юг азиатской России. С другой — за схождением скрывается один из ключевых ахматовских комплексов — равной

вины и равного страдания тех, кто наказан, и тех, кого вынудили исполнять наказание. В 1962 г., в разговоре с Л. К. Чуковской о Герцене Ахматова просила прочитать сцену наказания шпицрутенами участников польского восстания 1837 г. и в ответ создала эпиграмматический образ каторжной Сибири: «Черный крест на белом снегу» [Чуковская, т. 2, с. 580].

Два ключевых мотива ахматовской «сибириады» — каторжный путь и рождение новых форм письма — составляют контрастную пару, в которой отношения антитезы перекрываются логикой взаимодополнительности. Сибирь, сигнатура которой исчерпывающе представлена ссыльнокаторжными поселениями, уходит вглубь стиля, становится не объектом изображения, а способом видения, способом мышления, порождающего «визионерские» ассоциации событий и людей.

Источники

Ахматова А. Сочинения : в 2 т. / сост. и подгот. текста М. М. Кралина. М. : Цитадель, 1996.

Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания. М. : Сов. писатель, 1990.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой ; вступ. ст. Э. Г. Герштейн ; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М. ; Torino : Giulio Einaudi editore, 1996.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений : в 2 т. / сост. П. М. Нерлера ; подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера ; вступ. статья С. С. Аверинцева. М. : Худож. лит., 1991.

Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1958.

Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 6; М. : Худож. лит., 1981. Т. 7.

Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 13.

Исследования

Гаспаров М. Л. Orpheus faber. Труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама // Гаспаров М. Л. Избр. ст. М. : Новое лит. обозрение, 1995. С. 221–237.

Ерохина И. В. Гений и злодейство: пушкинский подтекст в «Реквиеме» Анны Ахматовой // Вопр. литературы. 2006. № 4 (июль-август). С. 198–222.

Серман И. З. Радищев и Ахматова // А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение : материалы Междунар. симп., 24 июня 2002 г. / [редкол. : Н. Д. Кочеткова (отв. ред.) и др.]. СПб. : С.-Петерб. науч. центр РАН, 2003. С. 9–18.

Серова М. В. Анна Ахматова: Книга Судьбы (феномен «ахматовского текста»: проблема целостности и логика внутриструктурных взаимодействий). Ижевск ; Екатеринбург : [б. и.], 2005.

Темненко Г. М. Анна Ахматова: опыты интертекстуальных и имманентных прочтений. Симферополь : АРИАЛ, 2013.

Тименчик Р. Д. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы : в 2 т. М. : Мосты культуры / Гешарим, 2014.

Топоров В. Н. Об индивидуальных образах пространства («Феномен» Батенькова) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс — Культура, 1995. С. 446–475.

Цивьян Т. В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 40–51.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М. : Согласие, 1997.

References

Chukovskaya, L. K. (1997). *Zapiski ob Anne Akhmatovoi* [Notes about Akhmatova] (Vol. 1). Moscow: Soglasie. (In Russian)

Erokhina, I. V. (2006, July-August). Genii i zlodeistvo: pushkinskii podtekst v "Rekvieme" Anny Akhmatovoi [Geniuses and Villainy: Pushkin's Overtones in *Requiem* by Anna Akhmatova]. *Voprosy literatury*, 4, 198–222. (In Russian)

Gasparov, M. L. (1995). Orpheus faber. Trud i postoianstvo v poezii O. Mandelshtama [Orpheus Faber. Work and Continuity in the Poetry of O. Mandelstam]. In M. L. Gasparov, *Izbrannye statji* [Selected Articles] (pp. 221–237). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Serman, I. Z. (2003). Radishchev i Akhmatova [Radishchev and Akhmatova]. In N. D. Kochetkova (Ed.), *A. N. Radishchev: russkoe i evropeiskoe Prosveshchenie: materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma, 24 iiunia 2002* [A. N. Radishchev: The Russian and European Enlightenment. International Symposium Materials, June 24, 2002] (pp. 9–18). St Petersburg: St Petersburg Research Center RAN. (In Russian)

Serova, M. V. (2005). *Anna Akhmatova: Kniga Sud'by (fenomen "akhmatovskogo teksta": problema tselostnosti i logika vnutristrukturnykh vzaimodeistvii)* [Anna Akhmatova: The Book of Fate (The Phenomenon of 'Akhmatova's Text': The Problem of Completeness and Intrastructural Interactions)]. Izhevsk; Yekaterinburg: s. n. (In Russian)

Temnenko, G. M. (2013). *Anna Akhmatova: opyty intertekstual'nykh i immanentnykh prochtenii* [Anna Akhmatova: An Attempt at Intertextual and Immanent Perusal]. Simferopol: ARIAL. (In Russian)

Timenchik, R. (2014). *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody* [The Last Poet. Anna Akhmatova in the 1960s] (Vols. 1–2). Moscow: Mosty kul'tury / Gesharim. (In Russian)

Toporov, V. N. (1995). Ob individual'nykh obrazakh prostranstva ("Fenomen" Baten'kova) [On Individual Images of Space (Batenkov's *Phenomenon*)]. In V. N. Toporov, *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Sphere of the Mythopoetic: Selected Writings] (pp. 446–475). Moscow: Progress — Kul'tura. (In Russian)

Tsiv'yan, T. V. (2001). "Zolotaia golubiatnia u vody...": Venetsiia Akhmatovoi na fone drugikh russkikh Venetsii ["Golden dovecote near the water": Akhmatova's Venice as Compared to Other Russian Venices]. In T. V. Tsiv'yan, *Semioticheskie puteshestviia* [Semiotic Journeys] (pp. 40–51). St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (In Russian)

Рогачева Наталья Александровна
доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

Rogacheva, Natalia Aleksandrovna
Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of Russian and Foreign Literature
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., 625003 Tyumen, Russia
Email: n.a.rogacheva@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-8424-1861